

СССР А. Н. Генко знал полторы дюжины кавказских языков, не считая арабского, персидского, турецкого и основных европейских. Были разумеется и раньше те, кого Е. Д. Поливанов называл «безъязычными языковедами». Но в наши дни безъязычность этнографа стала нормой, и мы не считаем своим долгом по-настоящему изучать даже европейские языки, не говоря уже о языках народов СССР. Преодолеть этот позорный недостаток — одна из насущных задач, стоящих перед нами в ходе перестройки советской этнографической науки.

Еще один ее аспект связан с необходимостью ликвидировать отставание в тех областях этнографического знания, которые связаны с историей нашей науки. В рецензии на журнал «Советская этнография», появившейся в журнале «Коммунист» четверть века тому назад, отмечалось, что изучение истории этнографической науки нуждается в значительном улучшении, причем «наибольший пробел имеется в освещении развития этнографии советского периода»<sup>13</sup>. С тех пор этот пробел не только не был восполнен, но продолжал увеличиваться. Главный недостаток тех обзорных юбилейных статей, которые до недавнего времени появлялись на страницах «Советской этнографии», — стремление представить историю этнографических исследований в СССР как непрерывное восхождение от победы к победе. Если, например, 1930-е годы действительно были «эпохой дискуссий, поисков, утверждения марксистско-ленинского метода в науке» (Решетов, № 5, с. 62), то чем же объяснить тот факт, что именно в начале 1930-х годов были прерваны успешно развивавшиеся ранее исследования в области теории этноса и наша наука на многие десятилетия стала по преимуществу описательной дисциплиной? Не это ли является глубинной причиной того, что и до сих пор она не смогла проявить свои прикладные функции, и сегодня мы стоим перед проблемой «преодоления недооценки ее значения для общества и государства»<sup>14</sup>?

Перестройка, в которой этнография нуждается не в меньшей мере, чем все другие общественные науки, требует не просто повышения качества наших работ, а устранения реально существующих препятствий на пути ускоренного развития теории этнических общностей и на этой основе — скорейшего преодоления разрыва между этнографическими исследованиями и общественными нуждами сегодняшнего дня.

<sup>13</sup> Арциховский А., Воробьев Н., Гусев Д., Смирнов С. Журнал советских этнографов//Коммунист. 1963. № 5. С. 127.

<sup>14</sup> Советская этнография в условиях перестройки. С. 7.

**Ю. В. Бромлей**

#### **О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИИ В СВЕТЕ ЛОГИКО-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА**

Обсуждение статьи «Этнография: место в системе наук, школы, методы», на наш взгляд, показало, что достигнута основная цель ее публикации в дискуссионном разделе «Советской этнографии» — вновь привлечь внимание специалистов к проблеме профилирования этнографической науки. Ведь, к сожалению, до сих пор среди научных работников (и не только обществоведов) можно нередко встретить мнение, что определение предмета соответствующей науки, ее взаимосвязи со смежными научными дисциплинами не имеет существенного значения. Однако, как показывает опыт развития науки, невнимание к этому важному методологическому вопросу нередко приводит к серьезным просчетам в планировании научных исследований, затрудняет разделение и

кооперацию труда, ведет как к ненужному дублированию, так и к образованию пробелов в изучении отдельных важных проблем. Такое невнимание тем более недопустимо, что предметная область любой науки не есть нечто абсолютно неизменное. Ее динамика — исторически непрерывный процесс, обусловленный многими факторами.

Предмет каждой научной дисциплины, как известно, формируется в результате ее реального опыта, в ходе которого складываются определенные традиции. И, разумеется, с ними нельзя не считаться, при определении современного профиля той или иной науки. Но их не следует и абсолютизировать, хотя бы уже потому, что меняются требования, предъявляемые обществом к каждой научной дисциплине, не остаются неизменными и сами ее возможности. В силу этого изменение предметной области конкретных дисциплин происходит в настоящее время также путем системного анализа науки. В такого рода анализе, в частности, существенная роль принадлежит выявлению из всей совокупности познавательных задач, выдвигаемых практикой, именно тех, решение которых составляет специфику данной науки в отличие от других. Соответственно определение предмета науки оказывается неразрывно связанным с выявлением ее соотношения со смежными областями знания.

Не всегда безразлично для определения профиля науки и ее наименование. Конечно, было бы неверно преувеличивать значение этого фактора. Но во многих случаях вряд ли правомерно его полностью игнорировать, как это фактически предлагает Г. Е. Марков (№ 4, с. 83). Правда, подчас наименование научной дисциплины может и не содержать указания на ее исследовательский объект или предмет (т. е. специфические свойства объекта, которые изучает данная дисциплина). Но в тех случаях, когда такое указание в наименовании науки имеется, оно не должно противоречить названию ее исследовательского объекта или предмета. Ведь совершенно очевидно, что было бы некорректно называть науку о животных «океанологией», а дисциплину изучающую океаны, «зоологией».

К чему приводит пренебрежение к терминологической стороне проблемы, кстати сказать, достаточно наглядно свидетельствует история этнографической науки и ее ближайших аналогов. В результате, по образному выражению Л. Я. Штернберга, «получился хаос названий, вызвавший хаос в самом понимании предмета науки»<sup>1</sup>. При этом в нашей стране, как и в большинстве восточноевропейских стран, сложилась научная дисциплина, которая при всех различиях в определении ее конкретных задач обладает существенными характерными чертами: представлением о том, что исследовательским объектом такой дисциплины являются все разновидности народов (этносов), а также обозначение ее в целом терминами (этнография, этнология, народоведение и т. п.), непосредственно связанными с наименованием объекта такого изучения. Установившаяся на Западе традиция в трактовке профиля аналогичных дисциплин (этнологии, социальной и культурной антропологии и т. п.) имеет существенные отличия. Дело в том, что здесь нередко утраченным оказалось изначальное (осознанное или неосознанное) представление о народах (этносах) как основных исследовательских объектах; более того, подчас они и фактически перестают быть таковыми<sup>2</sup>.

Соответственно, если при определении предметной области современной советской этнографии и апеллировать к научному наследию, то, очевидно, предпочтение следует отдать традициям восточно-европейским, в первую очередь отечественным. А они, между прочим, свидетельствуют, что изучение народов-этносов приобрело программный характер не в настоящее время, как это утверждают В. П. Алексеев<sup>3</sup>, а вслед за ним и Г. Е. Марков (№ 3, с. 83), а с самых первых шагов отечественной

<sup>1</sup> Штернберг Л. Этнография//Энциклопедический словарь. Т. 81. СПб., 1904. С. 181.

<sup>2</sup> Подробнее обоснование такого разграничения традиций этнографической науки в восточноевропейских и западных странах мы предполагаем дать в специальной статье, предназначенной для одного из очередных номеров «Советской этнографии».

<sup>3</sup> См. Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 6.

этнографии. И было бы неверно полагать, что такой подход автоматически влечет за собой «ущерб изучению исторической этнографии и традиционных культурных институтов»<sup>4</sup>. Весь опыт отечественной этнографической науки с первых дней ее существования свидетельствует об ином<sup>5</sup>. Важно и то, что с самого начала ставилась задача сравнительного изучения народов с целью выявления как общих, так и их отличительных, т. е. этноспецифических черт<sup>6</sup>. И значимость данной задачи не раз подчеркивалась в нашей отечественной этнографии<sup>7</sup>. Именно этот подход послужил у нас в последние десятилетия отправным пунктом для системно-логического обоснования предметной области этнографической науки. В таком обосновании, как уже говорилось во вступительной статье к настоящей дискуссии, ключевым является «представление о том, что этнография рассматривает свои объекты сквозь призму выполнения их компонентами этнических функций» (Ю. В. Бромлей, М. В. Крюков, № 3, с. 47). Но это, разумеется, лишь общий ориентир. Он не только не исключает, но, наоборот, предполагает знание всех основных свойств изучаемого явления (только при этом условии можно по-настоящему уяснить их этническую специфику).

Несколько иная тенденция в развитии народоведения наметилась в ГДР. Правда, здесь в соответствии со сложившейся в немецкоязычных странах традицией до сих пор сохраняется во многих случаях разделение народоведческих исследований на *Volkskunde* и *Volkerkunde*. Однако уже в начале 1950-х годов было предложено рассматривать обе эти дисциплины как целое, представляющее единую этнографическую науку<sup>8</sup>. Одновременно было высказано мнение, что основным объектом этнографии является «этнос»<sup>9</sup>. Такая трактовка этнографии развивается в ГДР и в наши дни<sup>10</sup>.

Своеобразный путь развития этнографии в ГДР не мог не сказаться и на трактовке здесь объектно-предметной области этой дисциплины. Данный вопрос затронут в отклике Н. А. Бутинова, отмечающего, что «предметом этнографии в ГДР объявлена триада (образ жизни, культура, этнос)» — № 5, с. 53. При этом он ссылается на статью В. Якобайта, посвященную тридцатилетию (1952—1982 гг.) этнографии в Университете им. Гумбольдта в Берлине. У Якобайта же речь идет об одном из высказываний Г. Гура по поводу предметной области этнографии<sup>11</sup>. Не трудно однако заметить, что в этом высказывании не различаются объект и предмет этнографии. Между тем вряд ли достаточно корректно рассматривать, подобно Г. Гуру, в качестве однопорядковых такие явления, как, с одной стороны, этнос (народ), с другой — образ жизни и культуру. А главное, очевидно, что во всех этих случаях фактически имеется в виду не предмет этнографии, а ее генеральный объект (этнос) и «частные» объекты (культура и образ жизни). Показательно и то, что Г. Гур по существу посвятил свою статью не упомянутой триаде, а всего лишь «комплексу культуры и образа жизни»<sup>12</sup>. Более осторожно подошел к рассматриваемому вопросу сам В. Якобайт, охарактеризовав изучение культуры и образа жизни как важнейшую задачу

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> См. Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

<sup>6</sup> См.: Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 33—35.

<sup>7</sup> Весьма образно это выразил Л. Я. Штернберг, писавший в своих «Десяти заповедях этнографа», что тот, «кто знает один народ — не знает ни одного» (*Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. У истоков советской этнографии*//Сов. этнография. 1971. № 2. С. 142).

<sup>8</sup> Steinitz W. Die Volkskundliche Arbeit in der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1953. S. 39.

<sup>9</sup> Kothe H. Die vordringlichsten Aufgaben der Ethnographie in der DDR//Völkerforschung. 5. B., 1954. S. 78.

<sup>10</sup> Yacobeit W. Dreißig Jahre Ethnographie an der Humboldt-Universität zu Berlin 1952—1982//Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. B., 1986. Jg. 27. N 1. S. 13—26.

<sup>11</sup> Yacobeit W. Op. cit. P. 19.

<sup>12</sup> Guhr G. Über die Komplexität von Kultur und Lebensweise//Acta ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. T. XXX. fasc. 1—2. S. 124.

этнографии<sup>13</sup>. К тому же вряд ли правомерно говорить, что указанное замечание Г. Гура общепризнанно («объявлено» предметом этнографии в ГДР). В частности, уже в первые послевоенные годы в ГДР наметились разные тенденции в трактовке объекта этнографии, не говоря уже о предмете. Согласно одной точке зрения, как уже отмечалось, главный объект этнографических исследований — «этнос»<sup>14</sup>, согласно другой — основная задача этнографии изучение «народа» (в значении «трудящиеся массы»)<sup>15</sup>. Впрочем, процесс «самоопределения» этнографии в ГДР, судя по всему, еще не завершился. И в этом процессе, надо полагать, наряду с традициями далеко не последнюю роль должно сыграть логико-системное обоснование объектно-предметной зоны этнографических исследований.

Но, как известно, такое обоснование применительно к любой научной дисциплине приобретает практическое значение только в том случае, если оно принято пусть не всеми специалистами соответствующей области знаний, но хотя бы значительной их частью. Как справедливо заметила Г. В. Старовойтова, до известной степени, предмет науки конвенционален: о нем можно условиться (№ 5, с. 56). Необходимой предпосылкой для этого на современной стадии развития научных знаний является выделение специфических свойств исследовательского объекта данной науки, которые и предлагается рассматривать в качестве ее предмета<sup>16</sup>. Но согласие специалистов по поводу такого выделения может быть достигнуто, конечно, лишь при условии достаточной убедительности соответствующего логико-системного анализа. И это полностью относится к нашей этнографической науке. В рассматриваемом случае, как заметил А. И. Першиц, были предложены решения, которые «в основном соответствуют тому, что устоялось в советской этнографии за последние десятилетия и разделяется подавляющим большинством специалистов» (№ 4, с. 71). И, видимо, не случайно в ходе данной дискуссии большинство выступивших ограничилось главным образом дополнениями и уточнениями. Среди такого рода дополнений привлекает, например, внимание характеристика исторической этнографии, предложенная в отклике С. И. Вайнштейна (№ 4, с. 77—82).

Вместе с тем ряд замечаний, сделанных во время дискуссии, требует комментариев. Один из вопросов — о влиянии методики этнографических исследований на представление об их предмете. Так, по мнению Г. В. Старовойтовой, «предмет всякой науки... представляет собой процесс применения исследовательской процедуры», при этом имеется в виду широкая трактовка предмета, включающего «саму эмпирическую область исследования» (№ 5, с. 57—58). Конечно, знания, обусловленные методом исследования, не могут не влиять на конкретные представления о характере тех свойств объективной реальности, которые данная наука избрала в качестве предмета изучения (соответственно на его внутреннюю структуру). Но сами эти свойства существуют независимо от эмпирических знаний о них, и для выделения предметной зоны соответствующей научной дисциплины достаточно представлений о самых общих параметрах такого рода свойств, иначе есть опасность ограничить общие рамки предмета той или иной дисциплины только явлениями, которые уже известны. Однако, если, скажем, химик открыл неизвестные ранее химические свойства материи, то это не значит, что он вышел за пределы предметной зоны своей науки. В этой связи представляется заслуживающим внимания замечание А. И. Першица, что «по преобладающим в науковедении подходам науки (может быть, за

<sup>13</sup> *Yacobeit W.* Op. cit. P. 78.

<sup>14</sup> *Kolhe H.* Op. cit. P. 78.

<sup>15</sup> *Steinitz W.* Op. cit. S. 39—42; *Volkerkundliche Informationen*. В., 1967 (April). S. 4.

<sup>16</sup> «Основное структурное отличие предмета от объекта заключается в том, что в предмет входят лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки» (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 525).

исключением одной только археологии) выделяются не по своим методикам, а по своим объектно-предметным сферам» (№ 4, с. 72).

В ходе дискуссии у отдельных ее участников при попытках определения пределов предметной области этнографии проявилась «этнографоцентристская» тенденция, связанная с забвением «интересов» смежных дисциплин. Налет такого подхода дает о себе знать, в частности, в выступлении Ю. И. Семенова. По его мнению, «в составе этнографической науки существуют три основные *теоретические* дисциплины. Первая из них занимается изучением этносов и этнических процессов. Вторая — представляет собой теорию доклассовых и предклассовых обществ. Третья — является учением о крестьянской общине» (№ 4, с. 76; курсив наш — Ю. Б.). Но относится ли все это к эмпирическому уровню этнографической науки, остается не вполне ясным. Видимо, нет. Между тем это существенно меняет дело, ибо на теоретическом уровне представители каждой конкретной дисциплины обычно принимают участие в разработке теории многих проблем, требующих комплексного, междисциплинарного подхода, и в ряде случаев тяготеющих в большей степени к иной, предметной зоне. И это в полной мере относится к этнографии. Как отмечалось во вступительной статье к дискуссии, этнография, рассматривая «компоненты этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций», призвана раскрывать «не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами» (Ю. В. Бромлей, М. В. Крюков, № 3, с. 46). Это и реализуется путем участия этнографов в теоретической разработке многих проблем, входящих в предметную сферу других дисциплин, которые нередко рассматривают указанные проблемы в качестве основных. Так, этнографы, например, участвуют в разработке теории культуры, теории образа жизни, семьи и т. д. Конечно, роль этнографов в разработке истории и теории первобытного общества особенно весома. Первоначально реконструкция ранней стадии истории человечества на основе сравнительного изучения данных о «примитивных» народах вообще была чуть ли не основной задачей этнографии в широком значении этого слова. Именно эту задачу, например, ставил перед собой такой глашатай эволюционистских идей в этнографии, как Д. Ф. Мак-Леннан, который, по словам Ф. Энгельса, был «официально признанным основателем и главой английской школы первобытной истории»<sup>17</sup>. Но со временем, наряду с этнографами, в разработке проблем истории первобытного общества все большее участие стали принимать представители других научных дисциплин, прежде всего археологии и физической антропологии<sup>18</sup>. В результате разработка проблем истории и теории первобытного общества утратила характер основной зоны предметной области этнографических исследований, превратившись в один из ее разделов, который существенно дополняет их главную задачу — изучение этнических явлений. Этот раздел ныне не без основания рассматривается как субдисциплина первобытной истории<sup>19</sup>.

Что касается изучения крестьянской общины, выделяемого Ю. И. Семеновым в качестве одной из трех основных теоретических дисциплин в составе этнографической науки, то в данной связи следует иметь в виду по крайней мере два момента.

Во-первых, изучением крестьянской общины (в том числе на теоретическом уровне) занимаются не только этнография, но и другие дисциплины: античная история, медиэвистика, востоковедение и т. д., а в современных условиях, как это справедливо отмечает сам Ю. И. Семенов, она «привлекает к себе внимание как экономистов, так и социологов» (№ 4, с. 76).

Во-вторых, — и это главное, — этнография, изучая классовые общества, в том числе и раннеклассовые, отнюдь не ограничивается изучением

<sup>17</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 224.

<sup>18</sup> Показательно, что касаясь вопроса об участии представителей других дисциплин в разработке проблем доклассовых и раннеклассовых обществ, Ю. И. Семенов конкретно назвал экономистов и социологов (№ 3, с. 75).

<sup>19</sup> См. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 3 сл.

крестьянской общины. В поле ее зрения находятся самые различные социальные институты: от семьи до государства. На это, кстати сказать, обратил внимание Г. Е. Марков, отметивший, в частности, что этнография исследует такие фундаментальные проблемы как история «семьи, социальной, общественной организации» (№ 4, с. 83). Впрочем, приходится еще раз напомнить, что этнография изучает все это вместе со многими другими дисциплинами. А это, в свою очередь, неумолимо требует отказаться от «этнографоцентризма» и ответить на вопрос о той *differentia specifica*, которая отличает этнографический подход к социокультурным явлениям от подхода к ним смежных дисциплин. На наш взгляд, такой ответ, как уже не раз отмечалось, следует искать в рассмотрении исследуемых общественных явлений сквозь призму этнической специфики. Показательно, что хотя иногда о значении подобного подхода прямо не говорится, все же можно довольно легко обнаружить, что практически он во многом предопределил (возможно, не всегда достаточно осознанно) сферы конкретных интересов советских этнографов в послевоенные годы<sup>20</sup>. При этом на выборе такого рода сфер сказались различия в проявлении этнического своеобразия на разных стадиях развития общества. Так, то обстоятельство, что у «отсталых» народов образ жизни, по крайней мере с точки зрения исследователей, пронизан характерными отличительными чертами, не могло не способствовать их всестороннему этнографическому изучению. Но по мере поступательного развития общества сферы проявления этнического своеобразия, как известно, сужаются и, соответственно, изменяются интересы этнографии. Показательно, что при изучении современности одни компоненты образа жизни народов вообще выпадают из поля зрения этнографов (например, современная сельскохозяйственная техника), другие — все больше становятся главным предметом исследования смежных дисциплин. В результате увеличивается удельный вес тех традиционных компонентов образа жизни народов мира, которые прежде в целом находились на периферии предметной области этнографической науки, спорадически привлекая внимание лишь отдельных представителей некоторых ее школ. В числе таких компонентов можно, к примеру, назвать этническое самосознание, этнические стереотипы, традиционные ценностные ориентации. Особенно следует отметить распространение внимания этнографов на традиционные элементы профессиональной духовной культуры, которым ныне принадлежит далеко не последняя роль в функционировании этносов. Одним словом, солидаризироваться, как это делает Г. Е. Марков (№ 4, с. 83), с сетованиями по поводу того, что представление об этносах как основных объектах этнографической науки нанесло ущерб изучению традиционной культуры, нет достаточных оснований. Подобные сетования тем более странны, что указанное понимание основных исследовательских объектов этнографии сопровождается выдвижением на передний план как раз традиционно-бытовой культуры, рассматриваемой в качестве ядра предметной области данной науки (Бромлей Ю. В., Крюков М. В., № 3, с. 47). О том, что это действительно так, в частности, наглядно свидетельствует подготавливаемый нами совместно с этнографами ГДР тот самый «Свод этнографических понятий и терминов», с которым связано проведение настоящей дискуссии. Его первый выпуск посвящен в своей значительной части соционормативной культуре<sup>21</sup>, а среди последующих выпусков намечены такие, как «Материальная культура», «Семья и брак», «Жизненный цикл», «Религия и верования» и т. д.

Одним словом, рассмотрение этнической специфики в качестве критерия выделения предметной области этнографии отнюдь не исключает, вопреки утверждению Г. Е. Маркова, «исследования закономерностей общественного развития в первобытном и раннеклассовом обществах,

<sup>20</sup> Подробнее об этом см. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 214—235.

<sup>21</sup> См.: Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

теорию ХКТ, историю хозяйства, семьи, социальных отношений, общественной организации в доиндустриальных обществах, развивающихся странах» (№ 4, с. 85). Надо только при этом не забывать, что изучение такого рода проблем и сфер общественной жизни — отнюдь не монополия этнографии<sup>22</sup> и находится в поле зрения многих других дисциплин. Конечно, с позиций «этнографоцентризма» можно и игнорировать данное обстоятельство, но реальное развитие всей современной системы обществоведческих дисциплин неумолимо ставит вопрос о месте этнографии в этой системе при изучении указанных сюжетов. Но от конкретных предложений по данному вопросу наш оппонент, увы, уклонился.

В ходе дискуссии вместе с тем было обращено внимание на то, что реальные рамки предметной области этнографии зависят не только от ее взаимоотношения с существующими смежными дисциплинами: не меньшее значение в данном отношении имеет и отсутствие таковых (Чистов, № 6, с. 58). Ведь в подобных ситуациях этнографии не раз приходилось (и приходится) брать на себя выполнение функций этих отсутствующих дисциплин. Дело в том, что изучение особенного и общего неразрывно связано. Соответственно этнически особенное тех или иных компонентов образа жизни можно выявить лишь при условии понимания основных функций последних. Именно поэтому наша этнографическая наука вынуждена была не раз брать на себя функции других дисциплин (например, конкретной социологии современности, африканской лингвистики и т. п.). Но, пожалуй, особенно существенно сказалось на реальном профиле этнографических исследований в нашей стране отсутствие комплексной истории материальной культуры. Этнографы были вынуждены восполнять данный пробел. И это происходило столь длительное время, что не могло не сказаться на представлениях о предмете этнографической науки. Соответственно всякое переключение внимания этнографов с общей характеристики тех или иных компонентов традиционной материальной культуры на выполнение ею при их изучении своих непосредственных задач чревато появлением ностальгических настроений. Подобные настроения имели место среди наших этнографов в 1960-е годы в связи с развертыванием конкретных социологических исследований современности. Создавалось впечатление, что этнография утрачивает часть своей предметной области в результате вторжения социологии в эти исследования (на самом же деле, это были те самые ее зоны, в которых этнографы выполняли функции отсутствующих социологов). Потребовалось усилить внимание к проблеме отграничения этнографии от социологии. Вместе с тем это позволило создать, как отмечалось во вступительной статье, на стыке двух наук новую пограничную дисциплину — этносоциологию современности<sup>23</sup>.

В центре внимания наших этносоциологов — современные этносоциальные, национальные процессы, изучение которых, как известно, ныне приобретает особое значение<sup>24</sup>.

Вообще для этнографии, в том числе пограничных с ней дисциплин, в наше динамичное время все большее значение приобретает не столько

<sup>22</sup> Подчас расширительной трактовке предмета этнографии способствует довольно распространенное перенесение представлений о специальности того или иного ученого на все, что им делается, хотя фактически очень часто, сознавая это или не сознавая, он может далеко выходить за рамки «своей» специализации.

<sup>23</sup> Кстати сказать, не следует смешивать на основе простого терминологического совпадения этносоциологические исследования (этносоциологию) современности, проводимые советскими учеными, с этносоциологией, провозглашенной научным направлением в начале 1930-х годов Р. Турнвальдом. В последнем случае речь идет о решении на основании материалов этнографических исследований общих социологических проблем, относящихся к доиндустриальным обществам (см., например: *Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-sociologischen Grundlagen//Repräsentative Lebensbilder von Naturvölker. Berlin; London, 1931*).

<sup>24</sup> Однако проблемы современности не стали еще главным компонентом этнографического изучения народов. Поэтому этнография остается преимущественно исторической дисциплиной, хотя уже дает о себе знать тенденция превращения ее в отрасль знаний, в которой основное место принадлежит изучению современных народов как функционирующей действительности.

